

5. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажытных часоў да нашых дзён) : вучэб. дапам. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад рэд. А.Ф. Вішнеўскага. 2-е выд., дап. Мінск : Акадэмія МУС Рэсп. Беларусь, 2003.
6. Доўнар, Ю.П. Судовая рэформа XVI стагоддзя ў Вялікім княстве Літоўскім : аўтарэф. дыс. ... канд. юрыд. навук : 12.00.01 / Ю.П. Доўнар. Мінск : Выд-ва БДУ, 2004.
7. Дювернуа, Н. Источники права и суд в Древней России : опыты по истории русского гражданского права / Н. Дювернуа. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004.
8. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на республиканском референдуме 24 нояб. 1996 г.). Минск : Амалфея, 2003.
9. Мельник, В.А. Республика Беларусь: Власть, политика, идеология: Практическая политология. / В.А. Мельник. 2-е изд. Минск : Тесей, 2000.
10. Місарэвіч, Н.В. Прывілей як крыніца беларускага феадальнага права / Н.В. Місарэвіч // Весн. ГрДУ імя Я. Купалы. Сер. 1. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія і сацыялогія. Культуралогія. Педагогіка. Псіхалогія. Правазнаўства. Філалогія. 2002. № 1.
11. Момотов, В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. : монография / В.В. Момотов. М. : Зерцало-М, 2003.
12. О концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь : указ Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г., № 205 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2002. № 46. 1/3636.
13. О концепции судебно-правовой реформы : постановление Верхов. Совета Респ. Беларусь, 23 апр. 1992 г. // Ведом. Верхов. Совета Респ. Беларусь. 1992. № 16.
14. Об утверждении Основных направлений социально-экономического развития Республики Беларусь на 1996–2000 годы : указ Президента Респ. Беларусь, 14 нояб. 1996 г., № 464 // Собр. указов Президента и постановлений Каб-та Министров Респ. Беларусь. 1996. № 32.
15. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 годы : указ Президента Респ. Беларусь, 8 авг. 2006 г., № 427 // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2006.
16. Риер, Я.Г. Цивилизации средневековья и начала нового времени: опыт структурного анализа : монография / Я.Г. Риер. Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2003.
17. Рудкоўскі, П. Ад ідэнтычнасці да саборнасці. Пара зацемак з нагоды дыскусіі вакол беларускай тоеснасці / П. Рудкоўскі // АРСНЕ Пачатак. 2006. № 1–2.
18. Сатолин, В.Н. История становления и развития законодательства о браке и семье Беларуси : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.Н. Сатолин. Минск : изд-во БГУ, 1997.
19. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года / пер. А.С. Шагун. Мінск : Беларусь, 2005.

Дата поступления в редакцию: 26.01.2012

УДК 351.74(09)

В.А. Данилов, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь

ФОРМЫ И МЕТОДЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ НКВД–МВД БЕЛАРУСИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1944–1953 гг.)

На основании архивных материалов анализируется и обобщается опыт работы сотрудников исправительно-трудовых и воспитательных учреждений НКВД по применению различных форм и методов ресоциализации детей и подростков, попавших в социально опасное положение. Наиболее действенными методами социальной адаптации данного контингента несовершеннолетних правонарушителей являлись профессионально-техническое и общеобразовательное обучение, трудовая деятельность и подготовка к жизни в обществе.

This article is based on archive materials and it analyze and summaries corrective-labour and educational establishments of People's Commissariat of Internal Affairs personal experience. This experience on various forms and methods resocialization children and the teenagers who have got in «socially-dangerous position». The most effective methods of social adaptation of the given minors offenders contingent were professional and general educational training, labour activity and preparation for life in a society.

Одной из проблем, порожденных войной 1941–1945 гг., стало появление в советском обществе большой группы социально незащищенных детей – сирот, бездомных и малолетних преступников. У большинства безнадзорных и беспризорных детей и подростков военного времени на момент их изъятия с улиц и помещения в исправительно-воспитательное учреждение были утеряны нормальные социально значимые связи, многие из них не имели понятия о социальных ценностях и нормах, правилах гигиены и поведения в человеческом обществе. Перед государством стояла задача их ресоциализации, т. е. «...кропотливого и длительного процесса повторного вживания ребенка в систему представлений о ценностях, существующих в обществе» [5, с. 47].

Советская юридическая доктрина важным компонентом в деле исправления преступников и возвращения их к нормальной социальной жизни рассматривала профессиональное образование и трудовое воспитание, что неоднократно подтверждалось в ряде нормативных правовых актов. 17 апреля 1940 г. приказом НКВД СССР в системе ИТУ было введено массовое техническое обучение заключенных в виде краткосрочных курсов, курсов технического минимума, повышения квалификации и переподготовки заключенных [4, с. 153–154]. В годы войны в связи с массовыми сиротством, детской и подростковой преступностью возникла необходимость расширения сети исправительных учреждений для несовершеннолетних и разработки мер по их перевоспитанию и возвращению к нормальной социальной жизни. Программа практических действий НКВД по ресоциализации подростков была изложена в ряде нормативных правовых актов. Постановление СНК СССР от 15 июня 1943 г. № 659 «Об усилении борьбы с детской безнадзорностью и хулиганством» предусматривало создание детских воспитательных колоний закрытого типа НКВД с особым режимом воспитания. В отличие от детских трудовых колоний они не считались местами отбывания наказания, в них обучение воспитанников в общеобразовательной школе сочеталось с производственным обучением и приобретением рабочей квалификации. В соответствии с постановлением СНК СССР 21 июня 1943 г. была принята Инструкция НКВД СССР, Наркомюста СССР и Прокуратуры СССР № 326/52/45 «О порядке направления и сроках содержания несовершеннолетних в трудовых воспитательных колониях НКВД СССР», где указывалось, что в трудовые колонии НКВД СССР помещались подростки в возрасте от 11 до 16 лет из числа беспризорных детей, не имевших родителей или длительное время живущих без родителей; задержанные за незначительные преступления; воспитанники детских домов, дезорганизовавшие работу детского дома [2, с. 385–387].

В связи с появлением детских колоний возникла необходимость в регламентации их деятельности. 19 мая 1946 г. МВД СССР принял «Положение о трудовых воспитательных колониях МВД». В нем указывалось, что основной задачей данных колоний являлось «политическое и трудовое воспитание, производственное и школьное обучение, воспитание у детей и подростков коммунистического мировоззрения, советского патриотизма и подготовка их к самостоятельной трудовой жизни. Предусматривалось, что несовершеннолетние в колониях будут содержаться до получения специальности, дававшей возможность самостоятельной трудовой жизни, или пока пребывание подростка в колонии необходимо по педагогическим соображениям, до достижения 17 лет. В колониях оборудовались общежития, семилетние школы, учебные и производственные мастерские, клубы, библиотеки, лечебно-санитарные, коммунально-бытовые и другие службы [1, ф. 51, оп. 2, д. 12, л. 115]. В 1948 г. МВД СССР приказом утвердило «Положение о трудовой колонии МВД для осужденных несовершеннолетних». Трудовые колонии являлись местом заключения для содержания и воспитания несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы. Все воспитанники должны были в обязательном порядке обучаться и работать в производственных мастерских и подсобных предприятиях колоний в сочетании с общеобразовательной подготовкой. Целью этого было получение рабочей специальности с квалификацией не ниже 3-го разряда. Режим и продолжительность рабочего дня подростков устанавливались следующие: в возрасте от 12 до 13 лет дети работали на легких хозяйственных работах; в возрасте 14–16 лет должны были работать в мастерских по 4 ч, в возрасте 16–18 лет – 6 ч. Запрещалось использование несовершеннолетних на тяжелых и вредных работах и в ночное время. Главной задачей трудовой колонии выступали трудовое воспитание, производственное и школьное обучение несовершеннолетних осужденных, воспитание у них моральных устоев и культурных навыков, сознательного отношения к труду, ответственности, сознательной дисциплины и уважения законов. Для достижения этих целей должны были использоваться активное педагогическое воздействие в сочетании с производительным трудом, производственным и школьным обучением и проведением политико-массовых мероприятий в условиях твердого режима содержания и строгой дисциплины [1, ф. 51, оп. 1, д. 14, л. 112, 113].

С первых дней освобождения БССР НКВД приступил к организации детских колоний и налаживанию процесса ресоциализации подростков, попавших в трудное социальное положение. На 1 января 1945 г. в республике уже действовали три детские трудовые и воспитательные колонии на 900 воспитанников – Могилевская, Бобруйская и Речицкая. Впоследствии количество колоний и их емкость, в зависимости от потребности, неоднократно изменялись. В 1949 г. в Беларуси действовали пять детских колоний двух видов: Витебская и Бобруйская детские тру-

довые колонии для несовершеннолетних правонарушителей в возрасте от 12 до 18 лет, Лидская и Могилевская детские воспитательные колонии, куда поступали беспризорные и безнадзорные подростки в возрасте от 11 до 16 лет, и Полоцкая специальная детская колония, куда переводились подростки из трудовых колоний в возрасте 17-18 лет и старше, общей емкостью 1500 человек [1, ф. 11, оп. 1, д. 41, л. 314].

В соответствии с указаниями НКВД-МВД СССР в процессе ресоциализации воспитанников колоний основной упор делался на профессионально-техническое обучение. Обучаться и работать в учебно-производственных мастерских должны были в обязательном порядке все воспитанники. Обучение проводилось двумя основными методами: в учебных мастерских по группам и непосредственно на производстве индивидуально-бригадным способом. В Могилевской детской трудовой воспитательной колонии в 1945 г. производственное обучение воспитанников было организовано по групповому методу по 20–25 человек по специальностям: столярное дело – 140 человек, производство художественных изделий из глины и гипса – 30 человек, сапожное дело – 15 человек, слесарное дело – 34 человека, музыкальное дело – 14 человек, на электромонтера обучались 18 человек, шофера – 3, станочника – 12, машиниста-дизелиста – 8, всего производственным обучением были охвачены 274 человека [1, ф. 11, оп. 1, д. 10, л. 47]. В 1945/46 учебном году производственное обучение в Бобруйской колонии также проводилось по группам в 20–25 человек. Охват воспитанников производственным обучением в 1945 г. составил 300 человек – примерно 65–70 %. Причина неполного охвата заключалась в большой занятости воспитанников на хозяйственных работах по обслуживанию колонии. В условиях хозяйственной разрухи и нехватки всего необходимого охват производственным обучением в колониях не был 100 %-ным [1, ф. 11, оп. 1, д. 10, л. 43]. Только к 1953 г. все воспитанники детских трудовых и трудовых воспитательных колоний были охвачены учебой в школе и производственным обучением и работой в ученических мастерских на производстве [1, ф. 11, оп. 1, д. 60, л. 195]. В целом система производственного обучения к концу рассматриваемого периода была налажена. После окончания программы производственного обучения приказом МВД (с апреля 1953 г. – Минюста) БССР создавались квалификационные комиссии, которые присваивали подросткам квалификацию. Сдавшим экзамены присваивался 3-й, а в отдельных случаях и 4-й разряд [1, ф. 11, оп. 1, д. 60, л. 163].

Эффективность профессионально-технического обучения в детских трудовых и воспитательно-трудовых колониях республики была во многом низка из-за ряда проблем. К ним относились нехватка квалифицированных мастеров производственного обучения (они нужны были на производстве), оснащение учебных классов и мастерских устаревшим оборудованием, недостаточное снабжение сырьем и материалами, слабость учебно-методической базы и плохо продуманная специализация производственного обучения. НКВД-МВД БССР неоднократно поднимали эти проблемы, однако материально-технические реалии послевоенных лет не позволяли их решить в короткие сроки.

Наряду с профессионально-техническим обучением большое значение в процессе ресоциализации воспитанников колоний придавалось производственно-трудовой деятельности. С этой целью в колониях было организовано производство по выпуску полноценной народнохозяйственной продукции. Уже к 1 января 1945 г. каждая из трех детских колоний БССР имела производственно-профессиональный профиль: Могилевская колония на 360 человек – деревообработка, изготовление мебели и музыкальных инструментов, Бобруйская трудовая колония на 300 воспитанников – деревообработка, изготовление физкультурного инвентаря, Речицкая трудовая воспитательная колония на 250 воспитанников – металлообработка, изготовление инструментов и настольных весов. В процессе организации колоний НКВД столкнулось с огромными трудностями материального характера – немцы, отступая, разрушали и уничтожали все, что не могли вывезти. В колониях было выполнено капитально-восстановительных работ на сумму 400 000 р. – отремонтированы культурно-бытовые и производственные помещения, за счет трофейного имущества для колоний были приобретены 4 автомашины, 2 трактора, 18 станков по дерево- и металлообработке, 15 электромоторов, 3 двигателя внутреннего сгорания и сварочный аппарат [3, ф. 4, оп. 17, д. 31, л. 85].

Производство в детских колониях вносило хоть и небольшой, но вклад в экономику государства. В постановлении СНК БССР от 17 января 1945 г. № 41 «Об утверждении сети детских трудовых воспитательных колоний и их производственной базы» Госплану при СНК БССР по-

ручалось «производство детских трудовых колоний включить в народнохозяйственный план республики, предусмотрев реализацию готовой продукции через соответствующие организации (Наркомторг, Белглавлес, «Динамо»), предусмотреть в планах снабжения удовлетворение потребности детских воспитательных колоний в местных материалах» [1, ф. 11, оп. 1, д. 6, л. 14]. Уже в 1945 г. детские колонии наладили выпуск мебели (столов, стульев, тумбочек), изделий из жести (ведер, тазов), музыкальных инструментов, посуды из алюминия, художественных изделий из глины и гипса и физкультурного оборудования [3, ф. 4, оп. 17, д. 31, л. 89, 90]. Позднее в Бобруйской и Могилевской колониях было организовано производство остродефицитной в послевоенное время мягкой и краснодеревяной мебели, а в Витебской – комплекта столярных инструментов. Колониям был установлен государственный план. В 1953 г. он составлял 3 260 000 р. Кроме того, воспитанники работали также в бытовых мастерских по ремонту собственных одежды и обуви [1, ф. 11, оп. 1, д. 60, л. 203]. Труд воспитанников оплачивался, что в немалой степени способствовало их адаптации ко взрослой и честной трудовой жизни в обществе.

Организация школьного обучения воспитанников началась с момента восстановления исправительно-трудовых учреждений НКВД. Уже в январе-феврале 1945 г. средние школы работали во вновь организованных Могилевской колонии, где из 229 воспитанников были охвачены обучением 213, и в Речицкой колонии, где из 133 воспитанников за парты сели 122. В Бобруйской колонии из 281 воспитанника в школе обучались 144 [3, ф. 4, оп. 17, д. 31, л. 89, 90]. К 1945/46 учебному году в школах Бобруйской и Могилевской детских колоний обучением были охвачены все воспитанники, были сформированы педагогические коллективы и работали педсоветы. Проблемой школьного обучения в детских колониях являлись неукомплектованность библиотек, отсутствие нужного количества наглядных пособий, методической и учебной литературы, невысокий образовательно-профессиональный уровень учителей, но эти недостатки были свойственны всем без исключения школам республики в первые послевоенные годы [1, ф. 11, оп. 1, д. 10, л. 65]. Школы колоний свою работу строили на основе планов Наркомата просвещения для обычных школ. Другими словами, это были школы без поправок на характер учреждения и контингента учеников. Перед началом учебного года, в августе, проводились регулярные проверки школ колоний на предмет готовности к приему учеников. После этого на ежегодных республиканских совещаниях заместителей начальников колоний по учебно-воспитательной работе и директоров школ подводились итоги прошедшего учебного года и обсуждались задачи на предстоящий [1, ф. 11, оп. 1, д. 51, л. 218]. Благодаря усилиям учителей и сотрудников колоний многие воспитанники добивались хороших результатов в учебе. Так, в первом квартале 1948 г. в Могилевской колонии из 329 учеников не успевали 24, на хорошо и отлично учились 42, в Бобруйской – из 266 учеников не успевали 21 и на 4 и 5 учились 67 [1, ф. 11, оп. 1, д. 18, л. 7]. В третьей четверти 1950/1951 учебного года успеваемость в школах детских колоний республики составила 89 %, а во второй четверти – 87 % [1, ф. 11, оп. 1, д. 51, л. 9]. Даже для городских школ это были неплохие результаты. 1952/53 учебный год школы детских колоний окончили с хорошими результатами. По всем классам и предметам программа и учебный план были выполнены. Успеваемость составила по Бобруйской детской колонии 89 %, Могилевской – 88 %, Витебской – 76,3 %. В Могилевской колонии из 290 учащихся 77 экзамены сдали на отлично и хорошо, 6 получили переэкзаменовку на осень и 16 были оставлены на второй год. Школьное обучение сочеталось с привитием практических навыков. Так, юные натуралисты Витебской колонии весной 1950 г. под руководством учителя ботаники П.П. Гусаревича заложили фруктовый сад на 100 деревьев, разбили газоны и высадили более 3000 кустов цветов. Осенью 1949 г. воспитанники вырастили 16 сортов помидоров, 14 сортов картофеля и 12 сортов капусты. Как результат – неуспевающих по ботанике в школе не было. По итогам 1949/50 учебного года приказом МВД БССР за отличные результаты в работе учитель биологии Витебской колонии П.П. Гусаревич и учитель литературы Витебской колонии С.Е. Гуревич награждены именными часами, а учителю Могилевской колонии Н.Г. Казаковой объявлена благодарность [1, ф. 11, оп. 1, д. 41, л. 322].

Большое воспитательное воздействие имела практика поощрений лучших учеников. Например, по итогам 1952/53 учебного года хорошо успевавшие воспитанники Бобруйской колонии, имевшие небольшие сроки и положительно зарекомендовавшие себя в дисциплинарном отношении, по рекомендации Отдела детских колоний УИТЛК Минюста БССР были уст-

роены для продолжения учебы в вечернюю школу г. Бобруйска (с правом свободного выхода в город. – *Авт.*) [1, ф. 11, оп. 1, д. 58, л. 2]. К началу 1950-х гг. все школы колоний действовали на основании годовых и четвертных планов, утверждавшихся на учебно-методических советах колоний. Большое внимание в воспитательной работе администрацией колоний уделялось художественному творчеству воспитанников. В каждой колонии были организованы и действовали предметные кружки – литературные, физико-математические, фото-, радио-, юных натуралистов, технические и изобразительного искусства. Руководили кружками учителя школ и инженерно-технический персонал колоний. Итогами работы кружков являлись альбомы, выставки, рисунки и наглядные пособия, изготовленные руками воспитанников. Регулярно выпускались во всех колониях общешкольных и по отделениям стенных газет. Стало практикой, когда за каждой редколлекцией стенгазеты, состоявшей из воспитанников, закреплялись для помощи и контроля учителя и воспитатели.

В процессе ресоциализации значительное место уделялось роли коллектива, его сплоченности и влиянию на подростков. С этой целью в каждой колонии были созданы и активно действовали ученические комитеты, состоявшие из активистов – лучших воспитанников. Ученические комитеты оказывали большую помощь руководству школ в борьбе за поддержание санитарного состояния классов, бережное отношение к учебникам и мебели, соблюдение дисциплины и выполнение учениками правил поведения. Сочетание всех возможных форм воспитательной работы позволило за короткие сроки вернуть к нормальной социально адаптированной жизни тысячи детей и подростков.

Библиографические ссылки

1. Архив МВД Республики Беларусь.
2. Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / под ред. акад. А.Н. Яковлева ; сост. С.С. Виленский [и др.]. М. : МФД, 2002.
3. Национальный архив Республики Беларусь.
4. Тимофеев, В.Г. Уголовно-исполнительная система России: цифры, факты и события / В.Г. Тимофеев. Чебоксары : [б. и.], 1999.
5. Трубников, В.М. Социальная адаптация освобожденных от отбывания наказания/ В.М. Трубников. Харьков : [б. и.], 1990.

Дата поступления в редакцию: 02.02.2012

УДК 340.1

*А.В. Григорьев, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии
МВД Республики Беларусь*

СОВЕТСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА О РАЗДЕЛЕНИИ ВЛАСТЕЙ И ДРУГИХ ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВА

Исследуются политико-правовые воззрения советской юридической науки на принципы организации и функционирования механизма государства. Изучены научные точки зрения, имеющиеся в советской юридической литературе, по теоретическим проблемам принципов организации и функционирования государственного механизма. Автор приходит к выводу о том, что использование классового подхода, партийности, революционной законности и следование другим требованиям марксистско-ленинской методологии явилось условием однобокого анализа государственно-правовых явлений.

In the article the political-legal attitudes of the Soviet jurisprudence concerning the principles of the organization and functioning of the mechanism of the state are examined. The author comes to conclusion that the problematic of the mechanism of the state occupied one of the central places in the Soviet legal science: as in the general theory of state and law, and in certain branches of jurisprudence. At the same time, use of the class approach, party membership, a revolutionary legality and following to other requirements of marxist-leninist methodology was a condition of the one-sided analysis of the state-legal phenomena.

В науке теории государства и права поиск оптимальной системы принципов организации механизма государства, содержательного наполнения каждого из них является весьма актуальным. В научной литературе уже анализировались принципы построения, организации и функционирования механизма государства, однако до настоящего времени многие вопросы остаются открытыми и решение их представляет определенную сложность. Это во многом связано с наследием советской правовой науки, использовавшей, с точки зрения марксистско-ленинской методологии, единственно верный классовый подход в исследовании государст-